

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / *Bulletin of Law Research*»

<https://blr-journal.ru>

2025, Том 4, № 2 / 2025, Vol. 4, Iss. 2 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 32.019.51

Историческая политика местных сообществ в системе формирования гражданской идентичности в регионе

¹ Мартынов М.Ю., ¹ Пишуков С.В.,

¹ Сургутский государственный университет

Аннотация: рассматривается историческая политика местных сообществ как инструмент формирования идентичности и межнационального согласия. Территорией исследования являлся Ханты-Мансийский автономный округ-Югра. В качестве методов использовались социологический опрос граждан, а также контент-анализ нормативно-правовых документов.

Сделан вывод, что осуществляемая местными сообществами политика в сфере формирования межнационального согласия и политики памяти носит целенаправленный и систематический характер. Она имеет достаточное нормативно-правовое обеспечение и представляет собой «достройку» федеральной и региональной политики в сфере межнациональных отношений, формирования гражданской идентичности средствами исторической политики и является необходимой частью функционирования вертикально интегрированной общенациональной системы в данной сфере. К факторам, обеспечивающим эффективность работы местного сообщества в данной сфере, следует отнести наличие в большинстве случаев специальных органов, координирующих работу основных ее акторов, а также прозрачность их финансирования.

Исследование зафиксировало достаточно высокие показатели гражданской самоидентификации респондентов, патриотические установки в сознании большинства опрошенных. Подтверждена гипотеза о роли исторической политики в формировании гражданской идентичности как основы межнационального согласия.

Отмечено, что на концептуальном уровне в муниципальных программах по обеспечению межнационального согласия и в работе координационных советов, как правило, не проводится смысловая связь с концептом идентичности, а в качестве средства его достижения не акцентируется внимание на использование возможностей исторической политики. Это не только содержательно обедняет систему мероприятий, но отражается на инфраструктуре акторов символической политики на локальном уровне и приводит к слабому участию в работе институтов гражданского общества, что вынужденно микшируется доминированием административных органов муниципальной власти. Историческая политика предложена в качестве смысловой концептуализации практик локальных сообществ по формированию общенациональной и региональной идентичности.

Ключевые слова: историческая политика, политика памяти, местные сообщества, идентичность, межнациональное согласие

Для цитирования: Мартынов М.Ю., Пишуков С.В. Историческая политика местных сообществ в системе формирования гражданской идентичности в регионе // Вестник юридических исследований. 2025. Том 4. № 2. С. 24 – 34.

Поступила в редакцию: 6 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 5 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 28 марта 2025 г.

Historical policy of local communities in the system of formation of civic identity in the region

¹ Martynov M.Yu., ¹ Pishukov S.V.,

¹ Surgut State University

Abstract: the historical policy of local communities is considered as a tool for the formation of identity and interethnic harmony. The research area was Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Yugra. The methods used were a sociological survey of citizens, as well as a content analysis of regulatory documents.

It is concluded that the policy implemented by local communities in the field of formation of interethnic harmony and memory policy is purposeful and systematic. It has sufficient regulatory support and represents the "completion" of federal and regional policy in the field of interethnic relations, the formation of civic identity by means of historical policy and is a necessary part of the functioning of a vertically integrated national system in this area. The factors that ensure the effectiveness of the local community in this area include, in most cases, the presence of special bodies that coordinate the work of its main actors, as well as the transparency of their financing. The study recorded fairly high rates of civic self-identification of respondents, patriotic attitudes in the minds of the majority of respondents. The hypothesis of the role of historical politics in the formation of civic identity as the basis of interethnic harmony is confirmed.

It is noted that at the conceptual level, municipal programs to ensure interethnic harmony and the work of coordinating councils, as a rule, do not make a semantic connection with the concept of identity, and as a means of achieving it, attention is not focused on using the possibilities of historical politics. This not only significantly impoverishes the system of events, but also affects the infrastructure of symbolic policy actors at the local level and leads to weak participation in the work of civil society institutions, which is compulsively mixed by the dominance of administrative bodies of municipal power. Historical policy is proposed as a semantic conceptualization of the practices of local communities in the formation of national and regional identity.

Keywords: historical politics, memory politics, local communities, identity, interethnic harmony

For citation: Martynov M.Yu., Pishukov S.V. Historical policy of local communities in the system of formation of civic identity in the region. Bulletin of Law Research. 2025. 4 (2). P. 24 – 34.

The article was submitted: December 6, 2024; Approved after reviewing: February 5, 2025; Accepted for publication: March 28, 2025.

Введение

Для такой многонациональной страны, как Россия, гражданская идентичность выступает основным условием достижения межнационального согласия и обеспечения общественно-политической стабильности. В свою очередь, важнейшим направлением формирования идентичности, как подчеркивают современные исследователи, является обращение к исторической памяти [15, с. 58]. Такая деятельность по использованию прошлого в политических целях получила название историческая политика или политика памяти. Иногда эти понятия рассматриваются как тождественные, но чаще их различают, понимая под политикой памяти «деятельность государства и других акторов, направленную на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающих их культурной инфраструктуры, образовательной политики, а в некоторых случаях – еще и законодательного регулирования» [3, с. 33], а под исторической политикой – в большей мере манипулятивные практики, направленные на «использование государственных административных и финансовых ресурсов в сфере истории и политики памяти в интересах правящей элиты» [4, с. 19].

В качестве акторов исторической политики и политики памяти обычно рассматривается политическая элита и государственные институты на федеральном уровне, гораздо реже – на региональном и очень редко – на локальном. Между тем последний уровень представляет определенный интерес. Если на высших эшелонах власти политической элитой использование исторической политики в целях обеспечения собственной легитимации нередко оказываются более важным, по сравнению с задачами формирования идентичности, то на локальном уровне эта функция, связанная с легитимацией, как раз не является существенной, а задачи формирования идентичности как условия консолидации общества выступают непреходяще значимыми.

Дело в том, что для местных сообществ, полиэтничных в своем подавляющем большинстве, обеспечение общественно-политической стабильности в современных условиях неразрывно связано с сохранением

межнационального согласия, а этого можно добиться лишь конструированием политической идентичности, преодолевающей иные ее виды – этнические, узконациональные и прочие. Инструментом формирования такой идентичности и является историческая политика, способная формировать коллективные представления совместном прошлом предыдущих поколений местного сообщества, как предпосылку воображения идентификации с этим сообществом в настоящем. Местный, краеведческий контент может выступать материалом для таких формирования таких коллективных представлений как основы общенациональной идентичности (например, – мемориал памяти землякам, представлявшим разные национальности, и погибшим ради общей победы в войне).

Методология исследования коллективных представлений о прошлом восходит к работам М. Хальбвакса в первой половине XX века. Французский социолог выдвинул понятие коллективной (групповой) памяти, отличив ее от индивидуальной, личной [17, с. 8-9].

Интерес к данной теме начинает стремительно расти с конца XX века. В числе причин этого явления отечественные авторы называют, во-первых, дисциплинарные, связанные со стремлением гуманитарной науки предложить позитивные коннотации роли социального воображения в процессах идентификации, в противовес их трактовки как идеологического «ложного сознания», во-вторых, социальные, вызванные потребностями самоидентификации новых социальных групп, возникших в результате глобализационных и деколонизационных процессов, в третьих, технические, медийные факторы, обеспечившие демократизацию доступа к памяти [14, с. 12-15].

В результате историческая память (memory studies), начиная с 1980 гг., стала одним из важных, хотя и не совсем точно очерченного в предметном отношении, направления исследований зарубежной науки, представленного в работах таких авторов, как П. Рикер, Ж. Ле Гофф, Б. Андерсон, Я. Ассман, А. Ассман и ряда других. В российском социо-гуманитарном знании по вполне понятным причинам эти проблемы оказались в поле зрения несколько позже – с 1990-х гг. На первом этапе они оказались в поле зрения специалистов в области исторической науки. С середины 2000-х гг., в работах таких авторов как А.И. Миллер, Л.П. Репина, Д.В. Ефременко, Ю.А. Сафронова, О.Ю. Малинова, О.Ф. Русакова и других, данная проблематика все в большей мере приобретают политологическую направленность. Триггером здесь послужила, обозначившаяся к этому времени, задача формирования гражданской, макрополитической идентичности, и историческая политика не без оснований стала рассматриваться в качестве направления ее решения.

Важнейшей составляющей идентичности, в свою очередь, выступает территориальный аспект, заключающийся в пространственном воображении граждан общности проживания в границах, идентифицируемых в их сознании по историческим, культурологическим, социально-экономическим признакам. Финский исследователь А. Пааси определяет такую территориальную идентичность как «эмоциональный психологический феномен, относящийся к региональному восприятию, способствующий и влекущий за собой чувство принадлежности к региону, а также определяющий отношения между социальными группами внутри этого региона» [18, р. 213]. В анализе территориальной идентичности он специально предлагал разграничивать символизирующие ее образы, основанные на природном ландшафте или культуре, и идентификационные образы, дискурсы, символы, возникающие в процессе совместных практик людей [19, р. 478].

Очевидно, что территориальная идентичность образует сложную структуру, включающий национальный, региональный (субнациональный) и локальный, местный (субрегиональный) уровни. Однако, если на национальном или региональном уровнях актуальность изучения исторической политики как направления формирования идентичности не вызывает сомнений, то на субрегиональном уровне, уровне местных сообществ она могла показаться не столь очевидна, поскольку вопрос о том, применимо ли к этим сообществам понятие политического вообще, выглядит дискуссионным.

Тем не менее, как представляется, правы те авторы, которые распространяют политическую сферу на локальный уровень, исходя из наличия здесь административно-территориальных органов власти, решающих вопросы публичного значения, и поэтому «политика в классическом понимании может быть локализована в пространстве и обнаружена даже на низовом уровне организации публичной власти, функционирование которой имеет политическое значение» [1, с. 22].

Сама локальная идентичность рассматривается при этом как низовой уровень идентификации, связанный «с чувством сопричастности человека с местом его проживания или/и происхождения: районом, городом, населенным пунктом, конкретной местностью» [2, с. 150]. Соответственно, локальная политика, включая историческую политику как одно из своих направлений, прямо связывается с политикой идентичности, выступая как «деятельность, направленная на конструирование политического значения территориальных образований субрегионального уровня» [10, с. 21].

Место политики идентичности в формировании идентичности местных сообществ стало одним из направлений идентитарных исследований [8, 9, 13]. В качестве субъектов этой политики назывались органы местного самоуправления, бизнес-сообщество, партии и общественно-политические движения, этнические сообщества и диаспоральные объединения, СМИ и блогосфера, культурно-просветительские сети (культурные и образовательные учреждения), гражданские организации/объединения, религиозные организации [12, с. 50].

Формирование идентичности на локальном уровне в ряде исследований представлено в качестве нематериального ресурса развития территории [5], в том числе на примере сельских сообществ [6, 7, 16]. При этом обращается внимание, что сильная локальная идентичность прямо связана с исторической памятью, на сохранение которой направлена деятельность органов муниципальной власти, бизнеса, общественных организаций, учреждений культуры, музеев, библиотеки, поскольку «политика памяти является инструментом консолидации местного сообщества на всех его поколенческих и иных социальных уровнях. Зачастую именно на поле прошлого выстраиваются образы будущего» [7, с. 70].

Наиболее масштабная попытка систематизации региональных аспектов политики памяти в масштабе всей страны, а в перспективе – и картирования мнемонического ландшафта России, предпринята в вышедшей недавно монографии, обобщающей исследования Центра по изучению культурной памяти и символической политики Европейского университета в Санкт-Петербурге. Материал монографии составили результаты эмпирических исследований деятельности основных акторов в сфере политики памяти в ряде субъектов РФ [11]. Причем авторы монографии подчеркивают определенные трудности, специфические для исследования политики памяти на местном уровне. Например, классификация акторов этой политики как региональных, локальных или федеральных выглядит определенным упрощением, поскольку подобный «эффект матрешки» придает деятельности каждого из них «сквозной» характер, нередко пронизывающий все эти уровни [11, с. 9].

Материалы и методы исследований

Таким образом, в большинстве случаев авторы рассматривают историческую политику как направление политики идентичности, связанное с обращением к исторической памяти для формирования эмоциональной привязанности к территории проживания. Такую политику идентичности и историческую политику можно назвать «интровертированными», направленными как бы «внутрь» территории, на формирование локальной или региональной идентичности местного сообщества. В этом случае исторические нарративы становятся частью брендинга территории, включая обоснование его региональной символики. Бесспорно, понимание самобытности своей земли занимает важную роль в сознании людей и выступает в качестве нематериального ресурса его развития, но данная проблематика является главным образом экономической и лишь косвенным образом – политологической.

Поэтому не менее важно выделить еще один – «экстравертированный» смысл исторической политики местных сообществ, когда ее региональные и локальные нарративы становятся частью формирования общенациональной макрополитической идентичности. Вряд ли нецелесообразно «разрывать» историческую политику на государственный, региональный и локальный уровни. Логичнее предположить, что сильные локальная и региональная идентичности будут складываться не столько в результате краеведческих штудий или насаждения регионального символизма, сколько вследствие формирования идентичности макрополитической, гражданской.

Исходя из такого представления о взаимосвязи уровней идентичности и исторической политики, сформируем основное понятие нашего исследования. Историческая политика на местном уровне – это институализированная деятельность органов публичной власти и гражданских институтов, заключающаяся в использовании/конструировании исторических нарративов местных сообществ для обеспечения политической (гражданской) идентичности в ее общенациональном, региональном и локальном измерениях.

Поэтому в качестве гипотезы предполагалось, что использование местного исторического материала для формирования общенациональной идентичности выступает первичной задачей в исторической политике местных сообществ, определяя, тем самым, успешность складывания и локальной идентичности.

Важно внести терминологическую ясность при определении объекта исследования. Если на национальном уровне различие исторической политики и политики памяти эвристически целесообразно, то на локальном уровне в нем нет особого смысла, и эти понятия можно рассматривать здесь как тождественные. Зато гораздо более значимым является выделение двух направлений этой политики в местных сообществах: формально институализированной в виде мемориальной политики местных органов власти и общественных организаций и неформальной, чаще неинституализированной, в качестве которой выступает семейная память, а также дискурсы в социальных сетях и неформальных объединениях граждан.

Предметом исследования в нашем случае выступала историческая политика, осуществляемая институализированными субъектами местных сообществ – органами публичной власти и институтами гражданского общества.

В качестве методов использовались социологический опрос граждан, а также контент-анализ нормативно-правовых документов.

Территорией массового социологического опроса являлся Ханты-Мансийский автономный округ-Югра. Особенностью истории автономного округа является большое этническое разнообразие, а также повышенная миграционная активность, что актуализирует задачу формирования гражданской идентичности.

Генеральной совокупностью социологического опроса выступали граждане старше 18 лет, проживающие в автономном округе. Исследование проводилось в феврале 2025 г. в виде анкетного опроса с рассылкой через интернет и последующим отбором респондентов в выборочную совокупность (N=1000), в соответствии с квотной выборкой, репрезентированной по полу и возрасту и месту жительства.

В ходе массового опроса зависимой переменной выступала самоидентификация респондента. Индикатором являлось степень сформированности чувства общенациональной идентичности. Самоидентификация в рамках иной общности – этнической, локальной или профессиональной – трактовалось как проявление неустойчивости чувства общенациональной идентичности, при всей безусловной важности этих видов идентификации. Поскольку выяснялась взаимосвязь этих выборов с коллективными представлениями о прошлом, то в качестве независимых переменных использовалась оценка респондентом чувства гордости за участие его предков в тех или иных процессах этого прошлого, самооценка себя в качестве патриота страны, а также установка на участие в делах местного сообщества.

Источниками контент-анализа выступали нормативно-правовые документы, регулирующие сферу межнациональных отношений, политики идентичности и исторической политики на муниципальном уровне. Проанализирована нормативно-правовая база всех 22 муниципалитетов Югры. Задачами контент-анализа являлось определение основных акторов политики в сфере межнациональных отношений и исторической политики в локальных сообществах и структуры их отношений, выяснение направлений, форм и методов их деятельности, а также оценка уровня системности и смысловой интегрированности политики в этой сфере. Процедура, в соответствии с методикой контент-анализа, была закреплена фиксация упоминаний ключевых слов «межнациональное согласие», «идентичность», «память», формализованная в ассоциативных словосочетаниях.

Результаты и обсуждения

По результатам опроса прослеживается ощутимая корреляция между эмоциональным отношением к тем или иным событиям или фактам отечественной истории и самоидентификацией респондента. Так, среди тех, кто идентифицирует себя, в первую очередь, политически, как гражданина страны, испытывает чувство гордости за ее историю подавляющее большинство – 87,2%, а среди респондентов с идентификацией по другим критериям эта доля несколько меньше – она составляет 74,1%. Аналогичным образом, среди респондентов, у кого преобладает гражданская идентичность, выше доля тех опрошенных, которые гордятся победой в Великой Отечественной войне. Их число составляет 92,0%, а у респондентов с иной идентификацией эта доля составляет 82,3%.

Подавляющее большинство респондентов – 79,2% – называют себя патриотами страны, и здесь прослеживается та же прямая зависимость между гражданской идентичностью и чувством патриотизма. Так, в числе тех опрошенных, в сознании которых преобладают гражданские формы идентичности, большинство (84,1%) позиционируют себя как патриотов, а среди респондентов с первичностью иных форм идентичности чуть меньше (79,4%).

В качестве основного источника знаний о прошлом большинство опрошенных – 19,6% – отметили документальные фильмы на исторические темы. На втором месте оказались 18,3% респондентов, отметивших в качестве первого по значимости источника знаний о прошлом рассказы родителей, родственников, соседей, знакомых. Еще для 17,8% такими наиболее важными источниками выглядят кинематографические и литературные художественные произведения. Уроки истории в учебном заведении несколько неожиданно заняли первое место лишь у 15,4% опрошенных. Для достаточно большой доли опрошенных – 13,5% – источником представлений о прошлом выступил местный исторический материал (участие в коммеморативных мероприятиях в своем населенном пункте и посещение местных музеев и исторических мест). Затруднился ответить на вопрос примерно каждый шестой респондент.

В качестве главного позитивного и героического события, которым опрошенные гордятся больше всего, была названа победа в Великой Отечественной войне. Причем у 39,1% есть для этого дополнительный повод: их предки были непосредственными участниками боевых действий на фронтах этой войны. Вообще,

для мировоззрения опрошенных история страны очень значима – после победы в Великой Отечественной войне она занимает второе место в числе поводов для гордости. Далее, по значимости, располагаются гордость за культурное наследие, затем – за освоение природных богатств страны.

Подтвердилась гипотеза о значимости сформированной гражданской идентичности для складывания идентичности локальной. Так респонденты, отдавшие предпочтение гражданской общенациональной самоидентификации перед местной и региональной, как ни странно, в большей мере склонны участвовать в делах местного сообщества. Каждый третий опрошенный из их числа – 34,7% – заявил, что принимал участие в благоустройстве дворовых территорий, в то время как среди выбравших иную идентичность, таковых несколько меньше – 32,3%. Почти каждый четвертый 23,1% из числа с гражданской идентичностью участвовал в массовых политических мероприятиях – митингах, шествиях – в своих населенных пунктах, в то время как для участия в них обладателей локальной идентичности также ниже – 20,6%. Что касается индивидуального участия, то в таких ее формах, как помощь пожилым людям, участие в работе ТОС, участие в организации досуга детей и подростков, коллективные и индивидуальные обращения, затрагивающие общие интересы, в органы власти, в общей сложности принимали участие 28,0% опрошенных, выбравших в качестве первичной общенациональную идентичность, и 27,4% предпочитающих идентифицировать себя с местным сообществом.

Ситуацию с межнациональными отношениями в Югре почти половина респондентов – 47,6% оценила как «хорошую», «очень хорошую» или «скорее хорошую». Более трети – 37,0% – затруднились с ответом, но почти каждый четвертый – 22,4% – посчитал ее «плохой» и «очень плохой». Ответ на вопрос о том, как респонденты относятся к представителям тех или иных народов, проживающих в Югре, позволил выделить группу опрошенных с нетолерантными установками, составляющих зону риска в отношении межнационального согласия. Доля тех, кто с недоверием относится к представителям того или иного народа (главным образом – к выходцам их Средней Азии и Северного Кавказа) составила 17,2%.

Сформированная гражданская идентичность, выступала, в свою очередь, определяющим фактором достижения межнационального согласия: распределение ответов на вопрос об отношении к представителям других народов с ответами на вопрос о самоидентификации показал, что среди респондентов с преобладанием общенациональной идентичности доля тех, кто продемонстрировал нетолерантные установки заметно ниже, по сравнению с теми, кто идентифицировал себя по иным признакам: 16,1% против 20,3%.

Наименее благополучная ситуация, с точки зрения сформированности чувства общенациональной идентичности и рисков нетолерантности сознания, приходится на Сургутский район, г. Нижневартовск, г. Мегион, г. Лангепас, г. Радужный. Существенно более благополучно выглядят в этом отношении сельские районы. Но в целом результаты опроса свидетельствуют об актуальности оценки деятельности местных сообществ в сфере формирования межнациональных отношений и гражданской идентичности.

Определить основных акторов формирования гражданской идентичности и межнационального согласия средствами политики памяти на местном уровне, а также направления и формы их работы, позволяют результаты контент-анализа нормативно-правовых документов.

В контент-анализ было включено 84 нормативно-правовых документа (муниципальных программ, приказов, постановлений глав администраций и муниципальных органов власти), регулирующих деятельность в сфере межнациональных отношений и политики памяти на местном уровне. Эти документы можно разделить на четыре группы.

К первой группе можно отнести нормативные акты, регламентирующие отношения между субъектами муниципальной политики в этой сфере, направления и способы их взаимодействия.

Наиболее важными документами являются здесь постановления или приказы о создании координационных советов, задачей которых выступает либо регулирование межнациональных отношений и взаимодействие органов муниципальной власти с национально-религиозными объединениями и национально-культурными автономиями (г. Ханты-Мансийск, г. Сургут, г. Нижневартовск, г. Нефтеюганск, г. Пыть-Ях, Березовский район, Кондинский район, Нижневартовский район), либо военно-патриотическое воспитание (Сургутский район, Советский район, г. Урай, г. Нягань).

В Советском районе документ носит несколько необычное название «О Координационном совете народов Российской Федерации, проживающих на территории Советского района». В г. Нижневартовск, при Координационном совете по взаимодействию с религиозными объединениями и национально-культурными автономиями создан Молодежный актив, а также сформирован Межнациональный Совет Старейшин.

Доминирующим актором местного сообщества в сфере гармонизации межнациональных отношений выступают муниципальные органы власти. Функции непосредственного участия в этой сфере предоставлены, как правило, трем подразделениям местных администраций: молодежной политики, образования и культу-

ры. В число членов координационных советов включаются руководители национально-религиозных объединений, действующих в границах местного сообщества. Статус советов достаточно высок. Возглавляет их, как правило глава города, а в состав входят его заместители и директора ряда ведущих департаментов администраций и муниципальных учреждений.

Вторая группа нормативно-правовых актов включает документы программного, целеполагающего характера, описывающие задачи, ожидания, ресурсы и т.д. деятельности местных акторов в сфере гармонизации межнациональных отношений и исторической политики.

Основными документами такого рода выступают муниципальные программы, название которых включает словосочетание «укрепление межнационального и межконфессионального согласия, профилактика экстремизма», воспроизводя концепты соответствующего программного документа на региональном уровне, и принятые, практически, во всех муниципальных образованиях. Некоторое исключение составляет г. Мегион, где роль такого муниципального программного документа выполняет программа «развития гражданского общества» на его территории.

В ряде случаев муниципальные программы конкретизируют задачи по обеспечению межнационального согласия, как, например, в муниципалитете г. Сургута, где в нее включены еще «поддержка и развитие языков и культуры народов Российской Федерации» и «обеспечение социальной и культурной адаптации мигрантов».

В Сургутском районе помимо принятой муниципальной программы аналогичные программные документы утверждены постановлениями местных администраций в городских поселениях Барсово, Белый Яр, Лянтор, Угут, Федоровский.

В муниципальных образованиях со сложной ситуаций в межнациональных отношениях стремятся создать программы, направленные на прогнозирование развития таких ситуаций и разработку регламентов их регулирования. Примером является программа «О порядке действий органов местного самоуправления муниципального образования городской округ город Лангепас при выявлении формирующихся конфликтов в сфере межнациональных отношений и действиях, направленных на ликвидацию их последствий».

Программные документы, как правило, дополняются также комплексными планами реализации в муниципальных образованиях Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.

Однако, как показал контент-анализ, муниципальные программы по обеспечению межнационального согласия не включают в свое смысловое содержание концепт идентичности, в редких случаях (г. Когалым, г. Пыть-Ях, Белоярский район) ограничиваясь лишь его упоминанием. Тем самым, концептуально, взаимосвязь работы по обеспечению межнационального согласия с формированием общенациональной идентичности, в том числе средствами исторической политики не рассматривается.

Вместо этого муниципалитеты в ряде случаев вынуждены создавать дополнительно программы по формированию патриотического сознания. Так, в Сургутском районе принят план совместных мероприятий по гражданско-патриотическому воспитанию детей и молодежи, а в г. Ханты-Мансийск - план мероприятий патриотической направленности в образовательных организациях города. Кроме того, в этом же муниципальном образовании утвержден «Порядок мониторинга состояния межнациональных, межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций». В г. Нефтеюганске действует муниципальная программа «Об организации работы по патриотическому воспитанию участников образовательного процесса ...».

Третья, достаточно многочисленная группа нормативных актов направлена на создание благоприятных условий для функционирования в этой сфере институтов гражданского общества и муниципальных учреждений. К ним относятся, например, приказы и постановления об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, о контроле за деятельностью военно-патриотических клубов, о создании центра военно-патриотического воспитания, о проведении благотворительной акции «Посылка солдату, о проведении акции «Навстречу Победе!», о проведении патриотической акции «Георгиевская ленточка», о праздновании годовщины Победы в Великой Отечественной войне, подготовке и проведении Дня памяти и скорби – дня начала Великой Отечественной войны, городских мероприятий, посвященных Дню памяти о россиянах, исполнявших долг за пределами Отечества и т.д.

Значительное число документов регулирует деятельность в сфере политики памяти и достижения межнационального согласия в образовательных учреждениях. Они касаются, например, включения в планы работы этих организаций мероприятий, приуроченных к государственным и национальным праздникам Российской Федерации, памятным датам и событиям российской истории и культуры, проведении мероприя-

тий с представителями национальных диаспор и религиозных конфессий, организации работы по социальной, языковой, культурной адаптации детей иностранных граждан, по профилактике терроризма и экстремизма и т.д.

Четвертую группу образуют документы, касающиеся мемориальной политики, краеведения и музейного дела. Например, приказы главы местной администрации Сургутского района свидетельствуют об активном создании на территории муниципального образования школьных музеев. О проведении целенаправленной мемориальной политики говорят документы, регламентирующие порядок рассмотрения предложений о присвоении имен граждан, наименований исторических событий улицам, площадям, муниципальным учреждениям (в Советском районе) или определяющие порядок создания специальной комиссии по рассмотрению обращений об увековечении памяти граждан и исторических событий на территории города (г. Лангепас).

Число самих нормативно-правовых документов, регулирующих отношения в исследуемой сфере, сильно варьируется от муниципалитета к муниципалитету. Наибольшее их число принято в Сургутском районе, что вполне объяснимо, поскольку проблема формирования общенациональной идентичности как мировоззренческой основы межнационального согласия стоит здесь наиболее остро. Данный муниципалитет крайне сложен по своему этническому составу. Помимо наличия групп коренных малочисленных народов Севера, в еще большей мере дело заключается в повышенной миграционной активности населения и изменение этнической структуры, связанное со снижением доли граждан славянского происхождения.

Помимо нормативно-правовых документов, проанализировано 24 материала отчетного характера о мероприятиях в сфере формирования идентичности гармонизации межнациональных отношений и осуществлении исторической политики в регионе на местном уровне, осуществленных в течение 2023 г.

Судя по материалам этих отчетов, в автономном округе проводится весьма масштабная работа в этой сфере: за 2023 г. на муниципальном уровне проведено 2 347 мероприятий. Наиболее значительная их доля – 37,4% – приходится на культурно-досуговые учреждения. Весьма велик вклад образовательных учреждений, осуществивших 22,5% мероприятий, а также местных музеев, на которые приходится 19,2%. При этом доля мероприятий, осуществляемых образовательными учреждениями и музеями в относительном выражении, выросла по сравнению с 2022 г. Муниципальные автономные учреждения провели 13,7% мероприятий. Некоммерческие общественные организации выступали в качестве непосредственных исполнителей весьма небольшого числа мероприятий такого рода – 7,2%.

Если говорить о смысловой части проектов, реализуемых в сфере формирования идентичности и коллективных исторических представлений как ее основы, то в своем подавляющем большинстве они носят «экстровертированный» характер, то есть интегрированы в общенациональные дискурсы. Мероприятий, ориентированных на формирование локальных идентичностей и брендинг территорий относительно немного, они составляют менее пяти процентов.

Мероприятия с заявленной целью по формированию межнационального согласия и противодействия экстремизму заняли 38,4% от общего их числа. При этом, если просуммировать мероприятия по сохранению исторической памяти и связанные с ними мероприятия патриотического характера, то их число существенно выше: в 2023 г. оно составило 61,6%. Причем, судя по всему, наблюдается динамика увеличения этой доли, поскольку, например в 2022 г., число таких мероприятий было несколько меньше – 57,7%.

Выводы

Подтвердилась гипотеза о роли исторической политики местных сообществ по формированию коллективных представлений о прошлом для формирования общенациональной и локальной идентичности. Причем подтвердилась важность гражданской общенациональной идентичности как предпосылки складывания идентичности локальной. Подтвердилось, что сформированная гражданская идентичность неразрывно связана с сохранением межнационального согласия и обеспечением общественно-политической стабильности в современных условиях. Исследование зафиксировало достаточно высокие показатели гражданской самоидентификации респондентов, патриотические установки в сознании большинства опрошенных, а также была подтверждена взаимосвязь роли политики памяти в формировании гражданской идентичности как основы межнационального согласия.

Результаты исследования подтвердили также «экстровертированный» в основном характер исторической политики местных сообществ в формировании коллективных представлений о прошлом. Ее акторы активно используют региональные и локальные нарративы, но стремятся «встроить» их в государственные тренды национальной политики и формирования макрополитической идентичности, например, использовать рассказы о героизме земляков в годы войны как часть общенационального патриотического дискурса.

Прослеживается тенденция на формирование, в первую очередь, идентичности макрополитической, гражданской, как предпосылке складывания идентичности локальной и региональной.

Осуществляемая местными сообществами политика в сфере формирования межнационального согласия и политики памяти носит целенаправленный, а главное – систематический характер, что, в количественном отношении, находит отражение в весьма большом числе проводимых мероприятий. Эта политика имеет достаточное нормативно-правовое обеспечение, в том числе программного характера, отражающими смысловые установки в данной области, а также контролируется перспективными планами и соответствующими отчетами.

Сама деятельность местных сообществ в данной сфере «достраивает» федеральную и региональную повестку в сфере формирования гражданской идентичности средствами исторической политики.

При этом деятельность акторов местного сообщества, судя по тематическому спектру осуществляемых проектов носит не только вертикально, но и горизонтально интегрированный характер, охватывая на локальном уровне сферы образовательной, молодежной и культурной политики. Особенно важно отметить возрастание роли образовательных и музейных учреждений в обеспечении исторической политики.

К факторам, обеспечивающим эффективность работы местного сообщества в данной сфере, следует отнести наличие в большинстве случаев специальных органов, координирующих работу основных ее акторов, а также прозрачность их финансирования.

Вместе с тем, следует отметить определенные проблемы концептуального характера, относящиеся к смысловому взаимодействию основных направлений деятельности в данной сфере. В реальных практиках контент мероприятий исторической политики местных сообществ тесно переплетен с решением задачи формирования гражданской идентичности как основы межнационального согласия. Однако на концептуальном уровне, например, в муниципальных программах по обеспечению межнационального согласия, как правило, не проводится смысловая связь с концептом идентичности, а в качестве средства его достижения не предусматривается использование возможностей исторической политики. Аналогичным образом в работе координационных советов эта взаимосвязь также не просматривается, и более того, политика в сфере межнациональных отношений и политика идентичностей выглядят разными направлениями работы. Это не только содержательно обедняет систему мероприятий, но отражается на инфраструктуре акторов символической политики на локальном уровне, когда дефицит их взаимодействия приводит к слабому участию в работе институтов гражданского общества, что вынужденно микшируется доминированием административных органов муниципальной власти.

Оптимизацию инфраструктуры деятельности акторов местного сообщества по формированию общенациональной и региональной идентичности можно осуществить через их смысловую концептуализацию в качестве практик исторической политики.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 25-28-20086 «Историческая политика местных сообществ и формирование региональной и общенациональной идентичности»)

Список источников

1. Витковская Т.Б. Локальная политика как исследовательский вызов: опыт отдела по исследованию политических институтов и процессов в изучении локальных практик // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2023. № 3. С. 22 – 29.
2. Витковская Т.Б., Назукина М.В. Промышленные города Урала: специфика локальной идентичности и политических практик // Вестник Пермского университета. Политология. 2018. № 3. С. 148 – 165.
3. Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А.И., Ефременко Д.В. М.-СПб: Нестор История, 2018. 224 с.
4. Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке / Под ред. А. Миллера, М. Липман. М., 2012. С. 7 – 32.
5. Мирошниченко И.В. 2023 Нематериальные ресурсы развития // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / Отв. ред. И.С. Семененко / ИМЭМО РАН. Москва: Издательство «Весь Мир». С. 57 – 66.
6. Морозова Е.В., Мирошниченко И.В. 2023. Традиции и инновации в политике развития сельских территорий России: потенциал казачества // Полис. Политические исследования. № 5. С. 66 – 87.

7. Морозова Е.В., Мирошниченко И.В., Семененко И.С. Развитие сельских местных сообществ: потенциал политики идентичности // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 56 – 77.
8. Назукина М.В. Локальная идентичность. Идентичность: Личность. Общество. Политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь Мир. 2017. С. 512 – 516.
9. Окунев И.Ю. Территориальная и пространственная идентичность: концептуализация базовых понятий // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. № 1. С. 18 – 25.
10. Панов П.В. локальная политика в разных измерениях // Политическая наука: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. М., 2008. № 3.
11. Политика памяти в России – региональное измерение: монография / под ред. А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой, Д.В. Ефременко; РАН. ИНИОН. Институт научной информации по общественным наукам РАН. М., 2023.
12. Русия Н.Т. Субъекты формирования локальной идентичности и их ресурсный потенциал // Южно-российский журнал социальных наук. 2024. Т. 25. № 1. С. 48 – 65.
13. Самаркина И.В., Башмаков И.С. Локальная идентичность: механизмы конвертации в конструктивные социально-политические практики молодежи // Полис. Политические исследования. 2021. № 2. С. 99 – 112.
14. Сафронова Ю.А. Memory studies: эволюция, проблематика и институциональное развитие, Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А.И., Ефременко Д.В. М.СПб: Нестор История, 2018. 224 с.
15. Семененко И.С., Лапкин В.В., Бардин А.Л., Пантин В.И. Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве // Полис. Политические исследования, 2017. № 5. С. 54 – 78.
16. Семененко И.С. Сельское местное сообщество в фокусе политики развития: научный дискурс и европейские политические реалии // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. № 3. С. 6 – 27.
17. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. С. 8 – 27.
18. Paasi A. The institutionalization of regions: a theoretical framework for understanding regions and the construction of regional identity // Fennia. 1986. Vol. 164. Issue 1. P. 105 – 146.
19. Paasi A. Region and place: Regional identity in question // Progress in human geogra phy. L., 2003. Vol. 27, N 4. P. 475 – 485.

References

1. Vitkovskaya T.B. Local politics as a research challenge: the experience of the department for the study of political institutions and processes in the study of local practices. Bulletin of the Perm Federal Research Center. 2023. No. 3. P. 22 – 29.
2. Vitkovskaya T.B., Nazukina M.V. Industrial cities of the Urals: the specifics of local identity and political practices. Bulletin of Perm University. Political Science. 2018. No. 3. P. 148 – 165.
3. Malinova O.Yu. Memory politics as a field of symbolic politics. Methodological issues in the study of memory politics: Collection of scientific papers. Ed. Miller A.I., Efremenko D.V. Moscow-St. Petersburg: Nestor History, 2018. 224 p.
4. Miller A.I. Historical policy in Eastern Europe at the beginning of the 21st century. Historical policy in the 21st century. Ed. A. Miller, M. Lipman. Moscow, 2012. P. 7 – 32.
5. Miroshnichenko I.V. 2023 Intangible resources of development. Identity: personality, society, politics. New contours of the research field. Ed. I.S. Semenenko. IMEMO RAS. Moscow: Ves Mir Publishing House. P. 57 – 66.
6. Morozova E.V., Miroshnichenko I.V. 2023. Traditions and innovations in the development policy of rural territories of Russia: the potential of the Cossacks. Polis. Political studies. No. 5. P. 66 – 87.
7. Morozova E.V., Miroshnichenko I.V., Semenenko I.S. Development of rural local communities: the potential of identity politics. Polis. Political studies. 2020. No. 3. P. 56 – 77.
8. Nazukina M.V. Local identity. Identity: Personality. Society. Politics. Encyclopedic publication. Ed. I.S. Semenenko. Moscow: Ves Mir. 2017. P. 512 – 516.
9. Okunev I.Yu. Territorial and spatial identity: conceptualization of basic concepts. Comparative politics. 2018. Vol. 9. No. 1. P. 18 – 25.
10. Panov P.V. local politics in different dimensions. Political science: Coll. of scientific papers. RAS. INION. M., 2008. No. 3.

11. The politics of memory in Russia – the regional dimension: monograph. edited by A.I. Miller, O.Yu. Malinova, D.V. Efremenko; RAS. INION. Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. M., 2023.
12. Rusiya N.T. Subjects of local identity formation and their resource potential. South-Russian journal of social sciences. 2024. Vol. 25. No. 1. P. 48 – 65.
13. Samarkina I.V., Bashmakov I.S. Local identity: mechanisms of conversion into constructive socio-political practices of youth. Polis. Political studies. 2021. No. 2. P. 99 – 112.
14. Safronova Yu.A. Memory studies: evolution, problems and institutional development, Methodological issues of studying the politics of memory: Coll. of scientific works. Eds. Miller A.I., Efremenko D.V. Moscow, St. Petersburg: Nestor History, 2018. 224 p.
15. Semenenko I.S., Lapkin V.V., Bardin A.L., Pantin V.I. Between the state and the nation: dilemmas of identity politics in the post-Soviet space. Polis. Political studies, 2017. No. 5. P. 54 – 78.
16. Semenenko I.S. Rural local community in the focus of development policy: scientific discourse and European political realities. South-Russian journal of social sciences. 2019. No. 3. P. 6 – 27.
17. Halbwachs M. Collective and Historical Memory. Neprikosnovenny zapas. 2005. No. 2. P. 8 – 27.
18. Paasi A. The institutionalization of regions: a theoretical framework for understanding regions and the construction of regional identity. Fennia. 1986. Vol. 164. Issue 1. P. 105 – 146.
19. Paasi A. Region and place: Regional identity in question. Progress in human geography. L., 2003. Vol. 27, N 4. P. 475 – 485.

Информация об авторах

Мартынов М.Ю., доктор политических наук, профессор, Сургутский государственный университет, martynov.mu@gmail.com

Пишуков С.В., Сургутский государственный университет

© Мартынов М.Ю., Пишуков С.В., 2025